

Но будетъ время, другъ, и сердце въ прахъ истлѣтъ
Но чувство сладкое, которое твоя
Возжгла во мнѣ любовь, и *тамъ* не охладѣтъ
И *тамъ* и не могу забыть, мой другъ, тебя...

Благодѣтелямъ, наставникамъ и друзьямъ.

Трехлѣтнихъ плодъ любимыхъ упражненій,
Отливъ души, нестройный лиры звонъ—
Съ которой все: и прелесть наслажденій,
И тайну грусть, и тихій сердца стонъ,
И призраки погибшихъ обольщеній,
Надеждъ исчезнувшихъ какъ легкій сонъ—
Я раздѣлялъ въ моемъ уединеніи—
Вамъ посвятить приѣмлю дерзновенье!
Благотворительность! Ты дней хранила
Моихъ покой отъ колыбельныхъ лѣтъ;
Любить добро во всемъ меня учила
И презирать неблагодарный свѣтъ;
Ты въ вертоградъ наукъ пересадила
Подъ благотворну сѣнь мой юный цвѣтъ,
И въ зной и хладъ была ему защита,
И мыслю ль будешь ты когда забыта?
Наставники! При вашемъ попеченіи
Цвѣтокъ мой росъ; предъ вашимъ взоромъ онъ
Раскрылъ листки; и вашихъ наставленій
Блистательной зарею озаренъ,
Отъ вреднаго дыханія растений
Прекрасною Эгидой огражденъ,
Пилъ Генія онъ вашего дыханье;
Вамъ первое его благоуханье!

Въ заключеніе идетъ списокъ студентовъ, подписавшихся на это изданіе—ихъ было 25 душъ и они подписались на 50 экземпляровъ; среди нихъ находимъ Золотарева, Карасева, Левицкаго Н., Корсуна, Шкларевича, Н. Бѣлозерскаго, Ѳ. Сумцова.

Другіе студенты печатали свои произведенія—прозаическія и стихотворныя—въ особыхъ сборникахъ.

Въ настоящее время они составляютъ большую библиографическую рѣдкость — полной коллекціи ихъ нѣтъ и въ нашей фундамен-

тальной университетской библіотекѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ миѣ пришлось выписывать изъ Петербурга, изъ Императорской публичной библіотеки. Обращая вниманіе на основной тонъ и характеръ помѣщенныхъ въ нихъ студенческихъ работъ, мы замѣчаемъ, что въ этихъ послѣднихъ какъ и на стихотвореніяхъ Склабовскаго въ сильнѣйшей степени отразились типическія черты времени и настроеній. Извѣстно, что царствованіе Имп. Александра 1-го рѣзко дѣлится на двѣ эпохи — либеральную и реакціонную — поворотнымъ пунктомъ, гранью, отдѣляющею одну отъ другой, являются Наполеоновскія войны. Эпоха реакціи съ особенною силою обрушилась въ то время на университеты — Казанскій, Петербургскій и Харьковскій. Каждый изъ нихъ имѣлъ своего разрушителя, Казанскій — Магницкаго, Петербургскій — Рунича, Харьковскій — З. Я. и Е. В. Карнѣевыхъ. Послѣдніе чисто вѣшными, канцелярскими средствами насаждали мистицизмъ и піетизмъ, противъ которыхъ скоро (при Шишковѣ) возсталъ само же министерство народнаго просвѣщенія и вообще правительство. Вотъ это то мистическое движеніе захватило и студенческіе круги, привело къ созданію среди нихъ отдѣленія библейскаго Общества и окрасило въ свой цвѣтъ литературныя произведенія Харьковскихъ студентовъ, помѣщенные въ сборникахъ.

I. *Сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Императорскаго Харьковскаго университета, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 года, какъ продолженіе экзамена въ семь отдѣленій. Х., въ унив. тип., 1817; 110 стр.* Сюда вошли слѣдующія статьи: 1) разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія, къ поправленію оной — Александра Склабовскаго, 2) О любви къ отечеству — Николая Бѣлозерскаго, 3) Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ — Георгія Литвинова, 4) Воспоминаніе о родинѣ — Евгенія Бразоля, 5) Воображеніе Ив. Пономарева, 6) О истинномъ счастіи — Дмитрія Сафонова, 7) Сравненіе русской правды съ судебникомъ — Николая Нестеровскаго и, наконецъ, въ видѣ приложенія рѣчь, говоренная 26 іюня 1817 г. въ день торжественнаго испытанія учениковъ Слободско-украинской гимназіи учителемъ Закона Божія іереемъ Петромъ Рогальскимъ. Статья Склабовскаго; философско-религіознаго характера — начинается она картиннымъ изображеніемъ рая. „Вообразите себѣ прекрасныя деревья съ пріятнѣйшими и здоровыми плодами, прелестныя рощицы и луга, вѣчно свѣжею зеленью покрытые и восхитительныхъ для зрѣнія разнообразіемъ цвѣтовъ и спешренныя, гдѣ свѣтлыя воды, съ тихимъ журчаніемъ пробираясь по разноцвѣтнымъ камешкамъ, то дѣлятся на безчисленныя

жемчужныя нити, то, сливаясь постепенно, образуютъ довольно обширные потоки, подъ сѣнію высокихъ вѣтвистыхъ деревьевъ струящіеся. Прибавьте къ этому усладительное пѣніе птицъ, тихое вѣяніе вѣтерковъ, томное трепетаніе листьевъ, чистый никакимъ вреднымъ перемѣнамъ не подверженный воздухъ, налитанный одними лишь благовопіями растений, наконецъ, величественный сводъ неба, всегда спокойнаго, тихаго, утѣшеннаго безчисленными мірадами свѣтилъ, днемъ и ночью горящихъ—и все то, что только можно себѣ представить въ неиспорченной еще природѣ прелестнѣйшаго—все это будетъ, можетъ быть, одна только тѣнь красоты того мѣста, гдѣ праотцы наши проводжали счастливѣйшія, блаженнѣйшія минуты первыхъ дней своихъ. И все это было утеряно, благодаря грѣхопаденію первыхъ людей—природа человѣка повредилась. Единственное средство у насъ теперь просвѣтить нашъ умъ, образовать и улучшить сердце—науки, въ особенности здравая философія, совершенно согласная съ христіанской философіей. Она говоритъ объ обязанностяхъ нашихъ къ Богу, научая познавать Творца, любить Его, какъ виновника нашего счастья, научаетъ насъ ученіемъ о наградѣ и наказаніи въ томъ мірѣ добродѣтели и отвращенію отъ порока. Она даетъ намъ непорочныя нравы. Были философскія системы въ XVIII вѣкѣ—суетныя системы слабоумныхъ мудрецовъ—и иного рода—они обладали умами западнаго человѣчества, принесли массу вреда ему и нравственности, возставая противъ власти, проповѣдую мечтательное равенство, возбуждая страсти, погружая человѣка въ бездну пороковъ и несчастій. Но эти лже-системы, представлявшія кучу обмановъ и нелѣпостей, проповѣдовавшія безбожіе и невѣріе, можно ли назвать истинной философіей? Люди, проводившіе ихъ, враги человѣчества, изверги рода человѣческаго, достойные того, чтобы Небесный отецъ излилъ на нихъ фіалъ справедливаго мщенія. Совсѣмъ иная философія, не расходящаяся съ христіанской религіей. Сократъ, Платонъ живя до христіанства, живо чувствовали необходимость въ новомъ свѣтѣ—въ откровеніи. Лейбницъ, Августинъ были добродѣтельными людьми въ жизни. И теперь потому мы должны стремиться къ истинной философіи, которая исправитъ нашу нравственность“.

И эта статья, не смотря на всю ея благонамѣренность, была признана министромъ кн. А. Н. Голицынымъ вредной, антирелигіозной.

Статья „О любви къ отечеству“—общаго литературнаго характера; заканчивается извѣстнымъ стихомъ: О родина святая, какое сердце не дрожитъ, тебя благословляя?

Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ—разсужденія на эту тему автора, который говоритъ о своемъ умѣ, что онъ еще не достаточно образо-

ванъ философій. Здѣсь разсматриваются истины троякаго рода — философскія, нравственныя и логическія; соображенія авторомъ почерпнуты изъ логики.

Чисто литературнымъ характеромъ отличается и статья „*Воспоминаніе о родинѣ*“; рѣчь идетъ объ Екатеринославѣ.

Статья „*Воображеніе*“ начинается такъ. „Сколь удивительно предвидѣніе! Сколь непостижимы судьбы его!“ Наполнена выдержками изъ поэтовъ. Авторъ статьи „*О истинномъ счастьи*“ приходитъ къ заключенію, что счастье даютъ только умственные удовольствія, тѣмъ болѣе что они связаны съ удовольствіями вытекающими изъ дѣтели...

Въ концѣ похвальное слово философіи, которая доставляетъ высокія радости, притупляетъ скорбь и указываетъ на блаженную вѣчность; она одна можетъ быть путеводительницей къ благополучію и даритъ роду человѣческому истинное счастье.

„Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ“ — болѣе фактическаго содержанія; указывается на сходство и различіе между ними.

II. *Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковского университета, читанные 1818 года июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ изъ Х., въ ун. тип. 1818, 121 стр.*

Открывается сборникъ статью студ. Антона Пафнутаева „*О вѣнчаніи*“, въ которой мы читаемъ между прочимъ слѣдующія слова. „Верхное и премудрое существо, произведши насъ на свѣтъ, вложило въ насъ, такъ сказать, одно только зерно всѣхъ высшихъ познаній, до которыхъ разумъ нашъ по естеству своему вознестись можетъ, и сіе то зерно познаній нашихъ есть врожденное въ насъ любопытство. Благостроительная десница Промысла, окруживъ цѣлымъ поприщемъ жизненнаго нашего бытія безчисленными предметами и существами, болѣе или менѣе сопряженными съ нами, болѣе или менѣе подобными намъ, влила въ каждый сей предметъ, въ каждое сіе существо, какую-то магическую силу притяженія, привлекающую къ себѣ наше любопытство, — и человѣкъ, отъ утробы матерней до дверей гроба, не перестаетъ быть ученикомъ окружающихъ его предметовъ. Чѣмъ чаще и чѣмъ продолжительнѣе испытаніе сіе повторяется, тѣмъ прѣмѣннѣе природная грубость его смягчается, и тѣмъ онъ самъ блистательнѣе становится до тѣхъ поръ, пока наконецъ отъ собственнаго свѣщенія цѣлая вселенная представится ему въ видѣ безиредѣльнаго зеркала, въ которомъ онъ ничего не видитъ, кромѣ Бога, ничего не чувствуетъ, кромѣ Бога, ни къ чему не стремится, кромѣ къ Богу, и вотъ та верховная черта, на которой пареніе его останавливается.“

До сихъ поръ блуждалъ онъ по неизмѣримымъ областямъ мечтаній, сомнѣній и догадокъ; до сихъ поръ онъ наиболѣе разсуждая, кажется, не мыслилъ ничего; но когда остановится на сей неподвижной точкѣ, тогда всѣ мечты его исчезаютъ, сомнѣнія оправдотворяются, и догадки дѣлаются законами. Однимъ словомъ, онъ познаетъ себя, познавъ Бога“.

Студенту Николаю Левицкому принадлежитъ статья О развитіи нравственнаго чувства, въ которой мы читаемъ слѣдующія строки.

„Но неужели первобытный человѣкъ, незнавшій ни наукъ, ни искусствъ, ни художествъ, не знавшій сего просвѣщенія потому, что не имѣлъ нужды ихъ знать, терялъ достоинство своего существованія? Неужели и теперь должно презирать человѣка изъ низшихъ классовъ общества, напримѣръ, земледѣльца, за то только, что онъ съ такою простотою судить о предметахъ, непринадлежащихъ къ его занятіямъ? Нѣтъ! такъ говоритъ намъ нѣкоторое внутреннее чувство. Гдѣ же тотъ способъ, которымъ облагораживается онъ наравнѣ съ сильными владыками? Въ добродѣтели и религіи; въ семъ неоцѣненномъ сокровищѣ, которое благодѣтельная десница Всемогущаго вручаетъ всѣмъ съ такою щедростію, не взирая ни на разность племенъ, ни на разность состояній, одѣляя онымъ всѣхъ равно, и раба и повелителя. Нѣтъ сомнѣнія, что чувствованія сіи въ каждомъ человѣкѣ пробуждаются постепенно. Но не такъ сіе происходило, когда посмотримъ въ цѣломъ на великолѣпный храмъ добродѣтели и религіи, обращая особенное вниманіе на ихъ начало, которое по справедливости должно быть отнесено къ счастливѣйшему времени прежде паденія рода человѣческаго, ибо есть ли начать сіе обозрѣніе со временъ варварскихъ, то увидимъ, что развитіе ихъ усовершеншалось съ каждымъ изъ прошедшихъ вѣковъ. Но сіи высочайшія добродѣтели начально чрезъ постепенное ли развитіе достигли своего совершенства? Вотъ вопросъ, могущій показать все различіе, при рѣшеніи котораго основываются или на мечтательности, всегда невѣрной и обманчивой, или на божественныхъ истинахъ высочайшаго ума—правилахъ религіи, столь ясныхъ, столь точныхъ, признаваемыхъ и человѣкомъ едва начинающимъ углубляться въ свое собственное бытіе, и мудрецомъ перелетающимъ за предѣлы бренности вещей.

Не всякъ изъ насъ можетъ достигнуть познаній Аѳинскаго мудреца; но попечительное Провидѣніе указываетъ на святую религію. Она всегда вручаетъ всякому изъ насъ, если только прибѣгаемъ къ ней, вручаетъ намъ неугасающій свѣтильникъ, вознесенный свѣтомъ немерцающимъ; съ нимъ только можемъ освѣтить и разогнать темноту, скрывающую отъ насъ истины непостижимыя для пустаго, тщеславнаго суемудрія. Добродѣтель въ изученіи трудна; но религія показываетъ намъ ее

явственно. О святая религія! ты всегда кротка, всегда утѣшительна, ты прощаешь самыя мои слабости, требуя одного только обращенія. Взглянемъ на человѣка, оставляющаго міръ сей. Если онъ исполняетъ святѣйшіе Твои законы, Ты открываешь предъ нимъ восхитительную будущность, и онъ въ смерти видитъ только путь, ведущій его изъ ничтожества къ безсмертному началу. Воззримъ на величайшаго изъ смертныхъ, коего имя сіяетъ въ храмѣ безсмертія, воззримъ на единственный примѣръ и царей, и человѣковъ—на Августѣйшаго Императора нашего Александра I. Сильный въ брани онъ опирался на святѣйшую религію, на нее надѣялся болѣе, нежели на увитый лаврами мечъ свой; съ нею онъ былъ побѣдителемъ-миротворцемъ. Неустоимымъ для блага нашего—отъ религіи наставленъ управлять народомъ справедливымъ, народомъ доблестнымъ, народомъ для сердца его любезнымъ, и его достойнымъ. Пусть онъ будетъ нашимъ примѣромъ,—мы будемъ добродѣтельны и счастливы. Религія у насъ владычествуетъ, міръ процвѣтаетъ. О вожделѣнное отечество! пламенѣя къ тебѣ любовью, дерзая восклицать: торжествуй Россія! Величайся! Богъ возлюбилъ тебя и царя твоего, вознесшаго тебя на верхъ славы“.

Изъ другихъ статей сборника отмѣтимъ работу студента Склабовскаго „Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабощенія ея татарами—съ 862 по 1240-й годъ“, „О соревнованіи“ студента Назарьева, „Послѣднія минуты Демосеена“—сокращенный переводъ изъ Лукіанова похвальнаго слова этому оратору студента Белоусова и „De felicitate hominis“ (на лат. яз.) студ. Склабовскаго. Стихотворенія также проникнуты религіознымъ духомъ. Таково, напримеръ, стихотвореніе Шкляревича „Подражаніе 18 псалму“.

„Намъ твердь небесная вѣщаетъ
Могущество и власть Того,
Кто все собою сохраняетъ,
Кто создалъ міръ изъ ничего,
Кто непремѣнными берегами
Морскія бездны оградилъ,
И имъ свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ запретилъ.
Весь свѣтъ есть рукъ его творенье—
Онъ все покоитъ и живить,—
День дню его благотворенье
И ночи ночь о немъ гласить.—
Сей гласъ, природы, гласъ священный,
Творецъ! знакъ мудрости Твоей,

Сей чинъ натуры неизмѣнной,
Быть долженъ внятенъ для людей.
Всемощною своею силой,
Средь множества другихъ свѣтилъ,
Дня благотворное свѣтило
Всевышній солнце утвердилъ.
Онъ рекъ: отъ края въ край вселенны
По сводамъ небо протекай,
И тварямъ, мною сотвореннымъ,
Свѣтъ животворный проливай.

Онъ рекъ—и, внявъ Его велѣнье,
Свѣтило лучезарно дня
Взойдетъ,—вдругъ при его явленъѣ
Природа воспрянувъ отъ сна,
Изъ мрака ночи воскресаетъ—
Оно, какъ Исполинъ, идетъ,
Всю поднебесну обтекаетъ
И жизнь всему творенью льетъ.

Творецъ всесильный смертныхъ рода!

О ты, что выше свѣтлыхъ звѣздъ,
Лазурнаго превыше свода,
Въ святомъ чертогѣ райскихъ мѣстъ
Отъ вѣкъ незримо обитаешь,—
Мы всѣ Тобой сотворены,
Ты всѣмъ намъ благодѣль проливаешь,
О Боже! мы Твои сыны!

Услышь, услышь мое моленье,
И ухо долу преклони—
Мракъ сердца моего, сомнѣнье,
Небеснымъ свѣтомъ разгони;
Влей въ душу вѣры огонь священный,
Внуши мнѣ Твой законъ святой,
И духъ страстями помраченный
Очисти Боже—успокой.

И кто возмогъ, незаренный
Небесной благодѣлю твоей,
Познать пороки сокровенны
Во глубинѣ души своей;
Кто могъ изъ смертныхъ самъ собою
На добродѣтели пути,

Всегда безтрепетной стою,
Не сворачая иди.

О! если внявъ мое моленье,
Мой духъ Ты въ вѣрѣ укрѣпишь,
Мракъ сердца и души сомнѣнье
Небеснымъ свѣтомъ озаришь;
Тогда враги мои смутятся,
И я прославлюся Тобой—
Тогда строптивы вразумятся,
Что мой Творецъ-Спаситель мой.

За этимъ слѣдуютъ—элегія „Старецъ надъ могилою“ студента Дыздарева, „Заговоръ противъ Кесаря“—переводъ изъ Лессинга студента Петрова, „Къ клавикорду“—переводъ его же изъ Вейса, съ нѣмецкаго языка, „Италія и Римъ“—подражаніе Сенъ Виктору студента Бѣлозерскаго, „Подражаніе Горацію“ его же. Въ приложеніи помѣщенъ рѣчь прот. Кир. Росинскаго въ Екатеринодарскомъ уѣздномъ училищѣ.

III. *Труды студентовъ любителей отечественной словесности въ Имп. Харьковскомъ университетѣ.* Харьковъ, унив. тип. 1819 г. Одна книга въ 2-хъ отдѣленіяхъ: проза (192 стр.) и стихотворенія (127).

„Въ предувѣдомленіи къ этой книгѣ, говоритъ С. И. Кованька, находится извѣстіе о „дружномъ обществѣ“ любителей отечественной словесности, члены котораго, издавая свои опыты, „не надѣялись удовлетворить просвѣщенному читателю своимъ искусствомъ въ выборѣ и обработаніи матеріи, но были увѣрены, что и самая любовь ихъ къ отечественной словесности и пламенное усердіе по возможности споспѣшествовать общей пользѣ раскрытіемъ и усовершенствованіемъ своихъ способностей, посредствомъ взаимнаго сообщенія своихъ свѣдѣній, мыслей и чувствованій въ дружескомъ обществѣ—заслужить его (т. е. читателя) вниманіе“. Почтенное общество молодыхъ ученыхъ литераторовъ раздѣлило труды свои „на прозу и стихотворенія“, а прозу подраздѣлило на „статьи нравственно назидательныя, изящную словесность и живописную прозу“, подражая въ этомъ случаѣ, прибавимъ мы отъ себя, программѣ „Украинскаго Вѣстника“. По словамъ С. И. Кованьки, авторы желали угодить публикѣ, проникнутой въ то время сентиментальностью, подражательностью и нѣмецкимъ мистицизмомъ. „Вотъ причина, по которой статьи въ этомъ изданіи почти всѣ переводныя и подражательныя, за исключеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній. Впрочемъ должно сказать, что въ этомъ годаздо болѣе и вѣрнѣе, нежели въ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ студенческихъ изданіяхъ, отражается тогдашнее состояніе мѣстной публики съ ея

вкусами и требованіями. „Дружное общество“ трудилось не только дружно, но и добросовѣстно—и молодые любители отечественной словесности украсили отечественную литературу, вѣроятно, по ея же навѣваніямъ и желаніямъ публики, цвѣтами, собранными съ латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и польскихъ разсадниковъ. Стихи, гораздо болѣе нежели проза, показываютъ самостоятельности у харьковскихъ любителей отечественной словесности въ самыхъ заимствованіяхъ, переводахъ и подражаніяхъ и навѣваютъ на читателя то расположеніе души писателей, въ которомъ замѣтно вліяніе съ одной стороны еще Державина, хотя очень мало, а съ другой уже несравненно болѣе Жуковского¹⁾.

¹⁾ Вотъ полный перечень статей этого сборника.

І. Проза.

Статьи нравственно-назидательныя: 1) „О познаніи Бога изъ природы“ (съ нѣмецкаго), Н. Левицкаго. 2) „Письмо Сень-Мерона къ графу де Полиции“ (съ польскаго), А. Пафнутьева. 3) „О благотворительности“ (подражаніе французскому), А. Пафнутьева.

Изящная словесность: 1) „Правила искусства писать“ (изъ Бюфона), А. Склабовскаго. 2) „О причинахъ упадка краснорѣчія“ (изъ d'Агессо), его же. 3) „Писатель-литераторъ, въ сравненіи съ другими писателями“ (съ польскаго), Н. Левицкаго. 4) „Взглядъ на первую эклогу Виргилія (изъ Сень-Пьера), И. Гонорскаго. 5) „Рѣчь Ганнибала къ своему войску“ (изъ Тита Ливія), Н. Левицкаго. 6) „Окрестности Рейна“ (съ польскаго), его же. 7) „Униженная гордость“ съ итальянскаго), его же. 8) „Густавъ или день рожденія“ (съ французскаго), А. Пафнутьева. 9) „Четыре возраста челоѣка“ (изъ Ласепада), А. Склабовскаго.

Животисная проза: 1) „Аллегорическое изображеніе четырехъ временъ года“ (съ французскаго); его же. 2) „Картинное описаніе кладбища“ (изъ Сень-Пьера), Н. Левицкаго. 3) „Шумъ вѣтра между деревьями“ (изъ Сень-Пьера), его же. 4) „Эхо“ (изъ Гердера), его же. 5) „Роза“ (изъ Гердера), его же. 6) „Патріархъ полей при окончаніи прекраснаго дня“ (изъ Рейрака), А. Склабовскаго. Всѣ прозаическія статьи занимаютъ 192 страницы.

ІІ. Стихотворенія.

1) „Гимнъ весеннему солнцу“ (подражаніе Рейраку), А. Склабовскаго. 2) „Гимнъ Богини юности“ (съ французскаго), Н. Петровскаго. 3) „Пѣвецъ“ (А. В. Склабовскому). П. Золотарева. 4) „Къ Д. Л. III—ву“, А. Склабовскаго. 5) „Посланіе къ Н. М. Систову“, его же. 6) „Къ И. Я. Золотареву“ (отрывокъ), его же. 7) „Посланіе къ Н. М. Систову“, его же. 8) „Къ друзьямъ въ часъ разлуки“, Н. Савостьянова. 9) „Отрывокъ изъ послѣдня къ К....“, И. Гонорскаго. 10) „Къ А. В. Склабовскому“, П. Савостьянова. 11) „Элегія. Къ Лирѣ“, его же. 12) „Идилія. Пріятность берега“ (подражаніе Леонарду), И. Золотарева. 13) „Идилія“ (изъ Беркена), А. Склабовскаго. 14) „Идилія. Дафна и Коридонъ“ (изъ Карпинскаго), его же. 15) „Къ зарницѣ“ (подражаніе Нарушевичу), его же. 16) „Вечерняя звѣзда“ (изъ Оссіана), Н. Петровскаго. 17) „Романсъ“ (подражаніе Карпинскому), А. Склабовскаго. 18) „Воспоминаніе“, А. Карасева. 19) „Сонетъ“ (подражаніе Бюргеру), А. Склабовскаго. 20) „Умѣренность“ (вольное подражаніе

IV. Сочиненія и переводы студентов Имп. Харьковскаго университета, читанные 1819 года июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ изъ Харьковъ, унив. типографія, 1820, 100 стр. ¹⁾.

V. Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1820 года июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ X. 117 стр. ²⁾.

Горацію), Н. Петровскаго. 21) „Цвѣтокъ“, А. Склабовскаго. 22) „Къ ручью“ (изъ Нарушевича), его же. 23) „Къ розѣ“, И. Золотарева. 24) „Рожденіе розы“ (изъ Монкрифа), А. Склабовскаго. 25) „Къ Делію“ (подражаніе Горацію), И. Золотарева. 26) „Ночь“ (подражаніе Берни), А. Склабовскаго. 27) „Утро“ (подражаніе Берни), его же. 28) „Старость“, Н. Савостьянова.—Четырестишіе. 29) „Счастливое знакомство“ (подражаніе) И. Гонорскаго. 30) „Путешественникъ“, А. Карасева. 31) „Прохожіи и потокъ“ (подражаніе Карпинскому), А. Склабовскаго. 32) „Происхожденіе рифмъ“ (подражаніе польскому), его же. Всѣ стихотворенія занимаютъ 127 страницъ.

¹⁾ Вотъ составъ этого сборника:

I. „Нравственность безъ истинной вѣры не существуетъ“, И. Трошинскаго, 1—16 стр. II. „Разборъ Цицеронова разсужденія о должностяхъ съ примѣненіемъ онаго къ высокой нравственности христіанскаго ученія“, Левицкаго. Это переведенное съ французскаго языка сочиненіе—профессора Паки де Совиньи, 7—18. III. „Чистота сердца награждается приближеніемъ къ Богу и зрѣніемъ его“, Феодула Соколовскаго, 19—21. IV. „Историческій взглядъ на Россію отъ покоренія оной Батыемъ до славной побѣды Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ, съ 1240 года до 1380 года“, Склабовскаго. Это продолженіе статьи, напечатанной въ „сочиненіяхъ и переводахъ“ 1818 г. V. „Разсужденіе о движеніи волнъ и звука“, Байкова. 49—58. Составлено на основаніи лучшихъ математиковъ. Далѣе слѣдуютъ стихотворенія (59—90 стр.). VI. „Гимнъ Богу“, А. Карасева. VII. „Кончина мудраго“, его же. VIII. „Путешественникъ“ его же. IX. „Гимнъ весеннему солнцу“, сочиненіе Склабовскаго, перепечатанное изъ „Трудовъ студентовъ любителей отечественной словесности“. X. „Къ ручью“ (изъ Нарушевича), его же, перепечатано отсюда же. XI. „Цвѣтокъ“, его же, перепечатано отсюда же. XII. „Посланіе къ другу... К...“, Петровскаго. XIII. „Вечерняя звѣзда“, его же. XIV. „Весна“ (подражаніе Карамзину), Трошинскаго. XV. „Къ Делію“ (подражаніе Горацію) Золотарева,—перепечатано изъ „Труд. и проч.“. XVI. „Пѣвецъ“, его же.—перепечатано отсюда же, съ опущеніемъ перваго куплета. Въ прибавленіи къ сочиненіямъ студентовъ помѣщена „Рѣчь о томъ, что для благополучія челоуѣка нужно съ отрочества воспитывать его въ страхъ Божій“, произнесенная „при публичномъ собраніи, въ заключеніе испытанія въ Екатеринодарскомъ училищѣ, смотрителемъ онаго, Закона Божія учителемъ, ученаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ членомъ, войсковымъ протоіереемъ и кавалеромъ Кирилломъ Россинскимъ, 1819 года іюня 30 дня“.

²⁾ Вотъ составъ этого сборника.

Сочиненія въ прозѣ.

I. „Рѣчь объ отношеніи религіи къ государствамъ“, вольнослушающаго М. Протопопова, бывшаго потомъ профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ. 1—20 стр. II. „Краткое обозрѣніе начала, постепеннаго возвышенія и успѣховъ Россійскай словесности“, А. Попова, 21—38. III. „О томъ, сколь необходимо познаніе исторіи для нашего образованія“, вольнослушающаго Самойловича, 39—44. IV. „О пользѣ

VI. *Сочиненія и переводы студентов Императорскаго Харьковскаго университета, читанные 1821 г. июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ.* Х., въ унив. тип. 1821, 157 стр. На первомъ мѣстѣ мы находимъ здѣсь „Разсужденіе о возрожденіи“ студента Дружkevича.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи.

„Человѣкъ естественный въ настоящемъ его состояніи есть не то, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ быть долженъ. Онъ былъ образъ несозданнаго. Онъ созданъ мудрымъ, непорочнымъ, чувствительнымъ; но разумъ его возгордился, воля уклонилась отъ закона, а сердце прилѣпилось къ тлѣнію. Онъ возмечталъ, воспротивился, преступилъ законъ Творца и унизился съ того времени; внѣшнее восторжествовало надъ внутреннимъ, вещественное надъ духовнымъ, духовная природа человѣка повредила, нарушилась въ немъ гармонія, перемѣнилось назначеніе. Онъ палъ, и падшій уже долженъ достигать цѣли своей посредственно, чрезъ возрожденіе въ жизнь духовную и преспѣваніе въ оной Благодатью совершаемое. Странна и непонятна для человѣка плотскаго мысль о возрожденіи. Доколѣ свѣтъ небснаго ученія не просвѣтитъ чувственностью помраченнаго взора, дотолѣ онъ съ Никодимомъ будетъ вопрошать: какъ можетъ родиться человѣкъ, будучи старъ, и какъ можетъ преуспѣвать въ жизни тотъ, кто почти окончилъ жизнь естественную и уже стоитъ надъ отверстіемъ гроба. Разсмотрѣніе сего вопроса будетъ предметомъ моего разсужденія.

Сѣмъ Божественной природы въ человѣкѣ дотолѣ не возродится и не можетъ возрасти, доколѣ не ислѣбеть покрывающій его прахъ чувственности и тлѣнія. Апостоль Павелъ говоритъ: „еже сѣеши не ожи-ветъ, аще не умреть“. И такъ, возрожденію въ жизнь духовную должна предшествовать смерть человѣка естественнаго, то есть плотскаго, чув-

народной исторіи относительно познаній и относительно нравовъ“, Дружkevича, 32—49. V. „Понятіе о высокомъ“, Трощинскаго, 50—68. VI. „Утреннее размышленіе о Богѣ“, вольнослушающаго Н. Спасаго, 69—74. VII. „Разсматриваніе природы ведетъ человѣка къ мудрости и добродѣтели“, Любимова-Короставцева, 75—77. VIII. „О верховномъ благѣ человѣка“, Полницкаго, 78—83. IX. „Безмертіе души, доказываемое желаніемъ счастья въ человѣкѣ“ (изъ Шатобріана), Н. Корсуна, 81—89.

Стихи.

X. „Утренняя пѣснь Богу“ (подражаніе Оссіану), Петровскаго. XI. „Развалины Пальмиры“ (изъ Вольнея), его же. XII. „Кладбище. Элегія“, Попова. XIII. „Счастье мудраго“, А. Карасева, XIV. „Уныніе“, его же. XV. „Уединеніе“ (съ польскаго), его же. XVI. „Гимнъ солнцу“ (подражаніе Нарушевичу), Золотарева. XVII. „Къ Валгію“ (вольный переводъ изъ Горация), П. Сендецкаго. XVIII. „Къ Ласточкѣ“ (подражаніе польскому), его же. XIX. „Лука“ (идиллія изъ Жофре), его же.

ственного.—Во первыхъ человѣкъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и міру. Чтобы усмотрѣть необходимость умерщвленія ума, слѣдуетъ только обратить вниманіе на помраченіе его и слабость въ сужденіи о вещахъ духовныхъ, на гордость и самолюбіе мудрыхъ вѣка сего, на тѣ неправые и отъ истины удаляющіе пути, по которымъ руководствуетъ человѣка мірское мудрованіе. Дѣятельный умъ человѣческій, потерявши чистоту свою въ первомъ паденіи, лишившись возможности сообщаться съ существами высшаго духовнаго міра, обратился къ тлѣнному, чувственному міру. Человѣкъ чрезъ развратность чувствъ заглушивъ свой разумъ, удалясь до чрезвычайности отъ перваго образа духовнаго своего состава, время отъ времени болѣе и болѣе переходилъ отъ внутренняго къ наружному, отъ духовнаго къ чувственному и, исказивъ понятіе о Божествѣ, котораго какъ врожденнаго ему не могъ совершенно истребить въ душѣ своей, повергнулся въ идолопоклонство. По мѣрѣ того, какъ долженствовало возрастать просвѣщеніе, распространялось невѣжество и заблужденіе рода человѣческаго. И существа мыслящія такъ глубоко погрязли въ своемъ заблужденіи, что міръ духовный казался имъ вымышленною сказкою. Надобно было превратить все духовное въ тѣлесное и удаленное отъ чувствъ обратить въ самую чувственность. Чтобы понимать существо Божіе, надобно было его представлять въ чувственномъ видѣ, подвергнуть его слабостямъ, человѣческой падшей натурѣ свойственнымъ. И самые тѣ, кои хотѣли отличиться отъ толпы обыкновенной, самые мудрые изъ людей, гоняясь за истиною, уклоняясь отъ нея, заблуждали. Имъ невозможно было пріобрѣсти истиннаго понятія о Богѣ, которое всегда остается за предѣлами чувствъ; поелику и самыя отвлеченныя ихъ понятія были все еще тѣлесны. Вотъ помраченіе ума съ самаго его начала! Но оно осталось одинаковымъ во всѣ послѣдующія вѣки до нашихъ временъ, и самый христіанинъ, ходящій по плоти, а не по духу, мудрствующій по стихіямъ міра, а не по Христу, столько же не имѣетъ чистаго понятія о Богѣ, какъ и люди, невѣдующіе христіанства.

При всей слабости своей, умъ человѣка естественнаго никогда не думалъ обращаться отъ себя къ неисчерпаемому источнику премудрости, дабы тамъ найти пособіе къ уврачеванію своей слабости. Онъ даже не познаетъ своего заблужденія. Проникаетъ во внутренность природы, открываетъ ея сокрытые законы, измѣряетъ небо, разсматриваетъ планеты, исчисляетъ ихъ бѣгъ, представляетъ себѣ прошедшее и будущее, всему ищетъ причинъ, всему полагаетъ законы; но все относя къ самому себѣ, все обращая въ собственность, мечтаетъ, гордо течетъ по пути заблужденій и бѣдственно погрязаетъ въ топкихъ бо-

лотахъ эгоизма. П спасительная истина, будучи содержима нечестіемъ и неправдою человѣческою въ неправдѣ, находясь подѣ властію прихотей едва едва подобно отдаленному свѣту въ хаосѣ изъ мрака сіяла и мудрые вѣка сего, слѣпые вожди слѣпыхъ, никогда бы не узрѣли сего во мракѣ мерцающаго свѣта, еслибы лучъ новой благодати не просвѣтилъ ихъ разсудка.

Единъ Богъ есть источникъ премудрости и разума чистѣйшаго. Есть ли чья мудрость не свѣше, есть ли кто не наученъ помазаніемъ отъ Святого, которое всѣхъ насъ учить, ничего не пріялъ отъ Отца свѣтовъ; такового мудрость есть земная, мудрость человѣческая, мудрость сатанинская: нѣсть сія мудрость свѣше нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска. Доколѣ такая мудрость мірская духъ человѣческій плѣннымъ содержитъ, дотолѣ не можетъ онъ быть причастнымъ мудрости небесной, поелику просвѣщеніе свѣта Благодати есть выше чувствъ и разума человѣческаго. Гдѣ сіяетъ свѣтъ благодатный, тамъ свѣтъ естественный—тьма по словамъ Св. Писанія исчезаетъ; коебо общеніе свѣту со тьмою? И такъ, человѣкъ естественный долженъ отвергнуть собственную мудрость, отложить гордость ума, забыть суетное познаніе всего того, чѣмъ онъ въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ старается казаться пріятнымъ и любезнымъ, словомъ, онъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и міру. Простота ума, очищенная отъ предразсудковъ, дѣтская довѣренность, твердо повинующаяся волѣ Отца Небеснаго, радостное упованіе, каковое только одинъ очищенный умъ имѣть можетъ, вотъ таинственная печать, знаменующая новаго человѣка на первомъ шагѣ вступленія его въ жизнь духовную, христіанскую, ежели онъ, живя для міра, мудрствуя о себѣ только и о мірѣ, былъ уже посѣдѣвшимъ старцемъ, закоснѣлымъ и въ заблужденіяхъ, и предразсудкахъ, то здѣсь ему должно сдѣлаться младенцемъ; поелику онъ не можетъ еще тотчасъ вмѣстить въ себѣ всего высокаго Христова ученія. И сами Апостолы по словамъ Христовымъ должны были питаться самою слабѣйшею пищею, питаться млекою, а не брашны, пока Духъ Святой не снишелъ на нихъ; ему должно себя всего и во всемъ ввѣрить единственному наставнику, благодатному Евангелію Христову... Такъ, одна любовь къ Существу Высочайшему есть всѣхъ благихъ нашихъ начало. Любя его, мы любимъ благодѣтельствующихъ и покровительствующихъ насъ, коимъ оно благодѣтельствуетъ щедротами своея руки, любимъ и всѣхъ человѣковъ, какъ самихъ себя, ибо и всеобщій нашъ Отецъ любитъ насъ яко чадъ своихъ. Любя Его, мы и въ жизни сей бываемъ блаженны и никогда не лишимся мзды своея, но насладимся исполненіемъ непреложныхъ его обѣтованій“.

Аналогичнымъ характеромъ отличается и „Разборъ псалма LXV“, съ краткимъ изложеніемъ жизни Давида Царя, читанный при открытіи студентскаго Библейскаго сотоварищества мая 8 дня 1821 года, студентомъ Севастьяновымъ. Вотъ начало этой статьи.

„Почтенные члены Библейскаго сотоварищества! Принявши мене въ ваше общество, вы открыли мнѣ случай соединить усердіе мое съ вашимъ въ служеніи слову Божію и доставили полное, совершенное счастье раздѣлять съ вами труды и попеченія о распространеніи между неимущими сей небесной манны, сего Божественнаго хлѣба, отъ котораго кто вкусить, живъ будетъ во вѣки. Первѣйшее желаніе сердца моего да будетъ то, чтобы неуклонно слѣдовать вашей ревности къ славѣ Божіей, какъ высокой, священной цѣли нашихъ бесѣдъ, цѣли къ которой всѣ мысли наши, разсужденія и поступки должны относиться. И Всевышній исполнилъ обѣты свои. Солнце истины возстало отъ Вифлеема. Лучи Его болѣе и болѣе распространяясь, согрѣваютъ, просвѣщаютъ и оживляютъ человѣчество. Въ наше время особенно совершаются восхитительныя надежды и пламенные желанія Давида о распространеніи правды и исповѣданіи Бога между всѣми народами земли. Великіе и быстрые успѣхи Библейскихъ обществъ, повсюду проповѣдающихъ, суть явное и несомнѣнное знаменіе благодати того, кто рекъ: аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ“.

Богомъ благословенный Монархъ нашъ, поразившій враговъ Россіи, прилагаетъ попеченіе и о распространеніи истиннаго свѣта Евангелія. Множество Библейскихъ обществъ и сотовариществъ украшаютъ теперь наше любезное отечество. Могу ли не изъявить чувства совершенной радости, объемлющей духъ мой при мысли, что и наше сотоварищество, недавно возникшее *подъ вліяніемъ начальства*, и словомъ, и краснорѣчивымъ примѣромъ къ живой вѣрѣ насъ привлекаящаго, и наше сотоварищество малую, но отъ всего сердца приносимую каплю вливаетъ въ океанъ пожертвованія благочестивыхъ соотечественниковъ нашихъ, и такимъ образомъ чрезъ тлѣнный и ничего не значущій даръ способствуетъ къ распространенію нетлѣнныхъ и вѣчныхъ даровъ слова Божественнаго. Обратимъ къ небесамъ взоры наши, умиленія исполненные, и скажемъ вмѣстѣ съ Царственнымъ Пѣснопѣцемъ: „Благослови ны Боже, Боже нашъ, благослови ны Боже, и да убоится его вси концы земли“.

Къ этой же категоріи относится и рѣчь, произнесенная при открытіи студентскаго Библейскаго сотоварищества въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ студентомъ Иваномъ Золотаревымъ 1821 г. мая 8 дня. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ нея.

„Недавно предъ симъ въ семъ самомъ святилищѣ наукъ, о сла-
достное воспоминаніе!—пламенѣя живѣйшею любовью къ слову Божію,
подъ руководствомъ почтеннѣйшаго и любимаго наставника нашего, мы
собирались для составленія студентскаго Библейскаго сотоварищества.
Нынѣ желаніе наше, одобренное высокимъ Начальникомъ нашимъ, испол-
няется. Возблагодаримъ Провидѣніе, что живемъ въ столь счастливое
время, обильное великими событіями міра политическаго и нравствен-
наго, когда и мы можемъ по мѣрѣ силъ нашихъ, участвовать въ семъ
великомъ дѣлѣ, коего цѣль на краеугольномъ камнѣ вѣры, воздвигнуть
прочный храмъ счастья человѣка, возвѣститъ всѣмъ языкамъ единого,
пришедшаго спасти всѣхъ истиннаго Бога, коего всѣ люди суть чада,
соединить святою цѣпію вѣры и любви всѣхъ людей какъ братій въ
одно семейство, одушевленное однимъ духомъ, имѣющее одного пасты-
реначальника Іисуса Христа. Такова цѣль; къ ней стремятся всѣ биб-
лейскія общества и сотоварищества, разсѣянные по всѣмъ странамъ
свѣта, подобно звенамъ цѣпи, долженствующей нѣкогда обнять весь
шаръ земной. Такова цѣль, къ достиженію которой рѣшились и мы со-
дѣйствовать, составивъ среди себя библейское сотоварищество. Но что
значить капля, пущенная въ неизмѣримыя воды пространнаго Океана?
что значать наши пожертвованія, замѣтныя развѣ по усердію, съ коимъ
были приносимы, въ сравненіи съ пожертвованіями, приносимыми важ-
нѣйшими сословіями государства, что они значать въ сравненіи съ при-
ношеніями обширныхъ странъ и сильныхъ народовъ?

Ничто. Чувствуя въ полной мѣрѣ ничтожность приношеній нашихъ,
мы въ семъ только случаѣ жалѣемъ, что скудные сокровищами земными
лишены средствъ въ полномъ сіяніи явить сіи чувства столь драгоцѣн-
ныя для насъ любви къ вѣрѣ и слову Божію. Но утѣшимся: незамѣт-
ныя по ограниченности силъ и средствъ на величественномъ поприщѣ
дѣйствія библейскихъ обществъ ко благу всего рода человѣческаго, мы
имѣемъ другое поприще, ближайшее къ намъ, гдѣ можемъ съ полною
свободой обнаружить всѣ драгоцѣнныя чувствованія нашего сердца, по-
прище, на которомъ, увѣренъ я, никто изъ васъ, о любезные сотоварищи,
не откажется дѣйствовать, ибо кто захочетъ отказаться отъ собствен-
наго счастья, которое будетъ ему наградою его занятій. Я говорю о за-
нятіяхъ священнѣйшихъ, благороднѣйшихъ, какія только можемъ пред-
принять: способствуя всѣми силами къ достиженію цѣли библейскимъ
обществамъ и собираясь для того, по особенно установленнымъ для
сего правиламъ, посвятить кромѣ того особенное время чтенію священ-
наго писанія, дабы, собираясь совокупно подъ руководствомъ одного изъ
нашихъ наставниковъ, просвѣтитъ умъ свой истиннымъ свѣтомъ слова

Божія, напитать душу священными истинами и высокими образцами, очистить сердце отъ всего земного и содѣлать его вмѣстилищемъ небеснаго, божественнаго, приступая къ чтенію Священнаго Писанія, должно избрать въ вождатаи не гордый умъ, но покорную вѣру; съ первымъ, терзаясь безпокойствомъ, вездѣ найдемъ непостижимыя тайны и наконецъ заблудимся среди глубокаго мрака, съ послѣднею, вкушая сладостное спокойствіе—плодъ довѣрія, мало по малу постигнемъ сердцею то, чего разумомъ постигнуть не могли. Поставляя однако чтеніе Священнаго Писанія главнымъ предметомъ нашихъ особенныхъ занятій, питая себя сею манною небесной, сею водою жизни, не будемъ бесплодною землею, на которую сѣмена небесныя падаютъ втунѣ. Да произраститъ разумъ нашъ плодъ, достойный сего сѣмени, питая себя высокими истинами христіанства или предметами нравственности, столь тѣсно соединенными съ благополучіемъ человѣка. Пусть сочиненія, а наиболѣе переводы о предметахъ христіанства и нравственности совокупно съ чтеніемъ Священнаго Писанія содѣлаются любимымъ нашимъ занятіемъ. Да принесутся первые плоды нашего ума и успѣховъ на священный жертвенникъ вѣры. Приступая къ сему дѣлу, чувствуемъ съ одной стороны великую пользу насъ ожидающую, а съ другой трудность его и ограниченность нашихъ силъ, чувствуемъ, что предоставленные собственнымъ силамъ, дѣйствуя одни на семъ скользкомъ и трудномъ пути, безъ путеводаителя вѣрнаго, уважаемаго и любимаго нами, легко можемъ заблудиться. Мы надѣемся, что высокій начальникъ нашъ, котораго лучшее удовольствіе есть дѣлать добро, любимое занятіе—распространеніе слова Божія, котораго не смѣю хвалить, ибо слова мои были бы слабы выразить наши чувства, не оставитъ насъ и въ семъ святомъ дѣлѣ и еще болѣе усугубитъ любовь и благодарность, наполнявшія всегда наши сердца; ибо мы живо чувствуемъ, что все, чѣмъ можемъ похвалиться во все счастливое и благословляемое нами время управленія его университетомъ, есть благодѣтельный плодъ нѣжныхъ его о насъ попеченій и спасительныхъ совѣтовъ, кои или непосредственно, или посредственно чрезъ наставниковъ нашихъ, желавшихъ исполнѣ оправдать его довѣріе, дѣйствовали на наши сердца. Мы надѣемся, что почтеннѣйшій ректоръ, коему обязаны нынѣ сими счастливейшими минутами, отгадавшій наши чувства и открывшій предъ нами сіе святое поприще, не оставитъ насъ и теперь своимъ руководствомъ и совѣтами, коихъ цѣну мы уже испытали. Зная его благородное сердце, готовое участвовать во всемъ, что только относится къ нашей пользѣ, мы не можемъ сомнѣваться въ семъ.

Въ заключеніи молимъ Тебя—источникъ всякаго свѣта и добра, безъ коего не можемъ творити ничесоже, благослови наше предпріятіе

и ниспосли свыше на насъ святую Твою помощь, на семь пути жизни, вѣры и спасенія, Ты, которой одинъ еси истина, путь и животъ. Вотъ начало стихотворенія студента Карасева „Миръ“.

Краса земли—вѣнецъ державы
Царей, народовъ крѣпкій щитъ!
Источникъ чести, блеска, славы
Всего, что смертныхъ родъ ни чтить.
О миръ! о Божество святое!
О прочно счастье земное
Тобой украшеннымъ душамъ.
Твоимъ величьемъ удивленный
Твоимъ блаженствомъ восхищенный
Даю порывъ моимъ мечтамъ...

Къ прозаическимъ статьямъ относятся еще двѣ переводныя работы: 1) объ отношеніи между словесностью и науками студ. Алаторцева (пер. съ фр.) и 2) о краснорѣчии между древними и новѣйшими народами изъ (Блера, пер. студ. Протопопова). Затѣмъ идутъ стихи. А вотъ вольный переводъ изъ Илиады Гомера студ. Петровскаго.

Тою порою божественный, грозный Патроклъ, величаво
На колесницѣ сѣдѣющій, бразды попустивши отважнымъ,
Быстрымъ конямъ, стремится, летитъ по пространному полю—
И отъ него убѣгающихъ гонитъ Троянъ и Ликіянъ.
Но непредвидѣющій рока, совѣтовъ онъ друга не помнитъ.
Онъ могущій Юпитеръ, предъ коимъ и мудрость и сила
Смертныхъ ничтожны, кто всѣмъ управляетъ, кому все покорно,
Онъ Юпитеръ вливаетъ въ сердце Патрокла горячность
Храбрости, гнѣва—да ея влекомый, стремится на гибель.
Вожьдъ именитый! Кто первый упалъ подъ мечемъ твоимъ острымъ?
Кто послѣдній низверженъ, твоею десницею мстящей,
Самой—судьбою къ убійству, къ пролитію крови воззванной?..

Кромѣ того здѣсь помѣщенъ стихотворный отрывокъ изъ Мессіады Клопштока Савостьянова, посвященный проф. Кронебергу и Храму Смерти (подражаніе Нарушевичу). Въ концѣ книги въ прибавленіи рѣчь Росинскаго объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Войска Черноморскаго.

VII. *Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1822 г. июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ изъ* Харьковъ, унив. тип. 1822, 163 стр.¹⁾.

¹⁾ Въ этотъ сборникъ вошли слѣдующія статьи.

Проза:

I. „Опытъ исторической очевидности промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ“, —рѣчь, произнесенная при публичномъ испытаніи учениковъ Слободско-

Послѣ 1822 года литературная дѣятельность студентовъ Харьковского университета какъ бы замираетъ или по крайней мѣрѣ не находитъ себѣ выраженія въ отдѣльных сборникахъ. Это объясняется на нашъ взглядъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1823—1825 г.г. возникъ вопросъ объ учрежденіи официального студенческаго научнаго литературнаго общества и появился новый „Украинскій журналъ“, дававшій мѣсто и работамъ студентовъ, а съ 1825 года наступила рѣзкая реакція противъ религіознаго мистицизма, проводившагося кн. А. Н. Голицынымъ со стороны его преемника по министерству Шишкова. Истощивъ покровительство — изсякла и литературная продуктивность въ духѣ мистицизма и піэтизма; допѣвалъ только свои прежнія піэсы Славинскій въ редактируемомъ имъ „Украинскомъ журналѣ“, но и онъ уже прислушивался къ новымъ вѣяніямъ и теченіямъ.

Въ десятилѣтіе — съ 1825 по 1835 годъ — начинается формироваться и развиваться въ мѣстной студенческой средѣ новое литературное теченіе, въ составъ котораго входятъ новые элементы и стихіи: съ одной стороны возрождается сатирическій элементъ, противъ основаніе которому было положено студентомъ 1-го десятилѣтія Натаномъ, а съ другой развивается мѣстная малорусская стихія, которая имѣла своихъ талантливыхъ литературныхъ выразителей въ лицѣ прежняго поборника піэтизма проф. П. П. Артемовскаго-Гулака и знаменитаго Харьковского писателя Г. О. Квитки и вскорѣ выдвинула на коле этнографіи такихъ выдающихся питомцевъ Харьковского университета, какъ Изм. Ив. Срезневскій, Н. И. Костомаровъ, А. Л. Метеллискій. Сатира была такого свойства, что не могла появиться въ свое время въ мѣстной печати, тѣмъ болѣе, что этой послѣдней не существовало. Она была грубовата и, будучи направлена противъ извѣстныхъ

Украинской гимназіи учителемъ историческихъ наукъ Степаномъ Есикорскимъ и посвященная ректору Императорскаго Харьковского университета В. Я. Джунковскому, I—23. II. „О промыслѣ“, вольнослушающаго А. Алаторцова, 24—29. III. „Разсужденіе о необходимости основанія философіи на религіи“, Д. Сапфирова, 29—39. IV. „Разсужденіе объ истинной твердости“, переводъ съ французскаго І. Александровича, 40—51. V. „Мысли о любви къ отечеству“, Черкасова, 54—69. VI. „О высокомъ (sublime) и простосердечномъ (naïf)“, переводъ съ французскаго Л. Коростовцова. Сочиненіе Мана объясненное многими примѣчаніями и дополненное собственными мыслями переводчика, въ концѣ статьи, подъ названіемъ „Примѣчаніе“, 70—125. VII. „Рѣчь о любви къ отечеству“, А. Попова, 126—142.

Стихотворенія:

VIII. „Подражаніе псалму 8-му“, П. Сендецкого. IX. „Природа“ (изъ Дельвига), его же. X. „Путешественникъ“ (съ нѣмецкаго), его же. XI. „Велизарій“ (Элегія), А. Попова. XII. „Овидій-изгнанникъ“ (Элегія), его же. XIII. „Посланіе Василію Андреевичу Жуковскому“, А. Славовскаго.

въ то время лицъ, трактовалась современниками, какъ пасквиль. Образчикомъ такой сатиры можетъ служить найденное нами въ бумагахъ проф. Венедиктова и отобранное имъ у студента Н. Маркова въ 1823 году стихотвореніе подъ заглавіемъ „Харьковскій бульваръ“. Въ настоящее время это стихотвореніе представляетъ уже одинъ историческій интересъ и является только памятникомъ, заключающимъ въ себѣ матеріалъ для характеристики и самого автора и нравовъ того времени.

О стихотвореніяхъ студента Экка мы скажемъ ниже. Стихотвореніе, отобранное у студента Коростовцева „Ночлегъ,“ также отличается фривольнымъ характеромъ. На пасквиль, написанномъ противъ проф. Успенскаго, мы останавливаться не будемъ тѣмъ болѣе, что онъ относится къ болѣе раннему времени. Замѣтимъ только, что при разслѣдованіи этого дѣла обнаружилась большая любовь харьковскихъ студентовъ къ стихотвореніямъ.

О распространеніи сочиненій политическаго содержанія свидѣтельствуется только одинъ случай. Характерно, что увлеченіе сюжетами нецензурнаго характера совпадаетъ со временемъ наиболѣе суровой дисциплины, введенной у студентовъ Харьковского университета.

Малорусская стихія нашла себѣ adeptовъ среди кружка студентовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Изм. Ив. Срезневскій. Литературныя наклонности сказались у Срезневскаго очень рано: еще ребенкомъ лѣтъ 8—9 онъ началъ писать стихи¹⁾; 14 лѣтъ отъ роду (въ 1826 году) онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ²⁾, на этико-политическій факультетъ. „Въ одно время съ нимъ на тоже этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета Харьковского университета вступили четыре давнихъ его пансіонскихъ пріятеля—Евекіе (2 брата), Росковшенко и Шнигоцкій, всѣ рано или поздно выступившіе на литературное поприще. Сплотившись въ тѣсный кружокъ, эти юристы по университету, не юристы по призванію, стали поддерживать другъ друга и въ любви къ литературѣ, и въ стремленіи изучать Украину“³⁾. Они явились сотрудниками И. И. Срезневскаго въ его этнографическихъ изслѣдованіяхъ Украйны и участниками въ тѣхъ альманахахъ, которые появились въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ. Такъ подъ университетскими юридическими занятіями загорѣлся и тлѣлъ и разгорался огонекъ другихъ работъ, сильный тѣмъ, что онъ былъ менѣе обязательнымъ, болѣе независимымъ“³⁾.

¹⁾ Энци. словарь Брокгауза, 61-й полутомъ, стр. 356.

²⁾ В. И. Срезневскаго. Изъ первыхъ лѣтъ научно-лит. дѣят. И. И. Срезневскаго, стран. 3.

³⁾ Ibidem, стр. 7.

„Записки Императ. Харьк. Универс.“

Обозрѣніе научно-литературной дѣятельности студентовъ Харьковского университета считаемъ умѣстнымъ закончить слѣдующими словами, сказанными нами въ другомъ мѣстѣ.

„Конечно, съ нашей точки зрѣнія, литературныя работы, помѣщенные въ студенческихъ сборникахъ, представляются въ художественномъ отношеніи неудовлетворительными; но ихъ и нельзя оцѣнивать мѣрами нашего времени. Справедливость требуетъ, чтобы мы судили о нихъ въ масштабу той эпохи, къ которой они относятся — а тогда они естественно повысятся и въ своемъ объективномъ достоинствѣ. Но этого мало: необходимо, при разсмотрѣніи ихъ, принимать во вниманіе и другія обстоятельства. Эти опыты свидѣлствуютъ о глубокомъ интересѣ учащагося юношества къ тогдашней литературѣ, объ увлеченіи ею, которое и привело къ подражанію и первымъ самостоятельнымъ попыткамъ. А это были интересы высшаго, идеальнаго порядка, увлекавшие отъ будничной прозаической жизни въ міръ поэзіи и дававшіе субъективныя радости, соединенныя съ художественнымъ творчествомъ. Кроме того, при такомъ общемъ подъемѣ духа, не могло уже заглушить никакое даже самое маленькое, поэтическое дарованіе — наоборотъ, оно должно было крѣпнуть и развиваться. Наконецъ, для насъ, увидѣвшихъ такъ далеко впередъ въ области литературныхъ требованій, разсмотрѣнныя нами произведенія представляютъ значительный историческій интересъ, какъ „первыя пробы пера“ нашей учащейся молодежи на литературномъ поприщѣ, какъ первыя попытки ея внести свою лепту въ общую сокровищницу русской словесности. И эти попытки продолжались и впослѣдствіи. Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, въ бытность студентомъ Харьковского университета, писалъ, вѣроятно, не важные стихи. Но важно было то, что онъ еще на университетской скамьѣ увлекался литературой, почувствовалъ къ ней страсть, которая вызвала къ дѣятельности его талантъ и создала ему въ литературѣ то почетное положеніе, которое онъ занимаетъ нынѣ. Пусть же въ сердцахъ нашего учащагося юношества всегда горитъ пламень чистой горячей любви къ поэзіи и искусству“.

Покончивъ съ вопросомъ о литературной дѣятельности харьковскихъ студентовъ, обратимся теперь къ ихъ *быту* и тѣмъ правиламъ, которыя регулировали этотъ бытъ и дисциплину, при чемъ разсмотримъ и всѣ важнѣйшія проступки студентовъ той эпохи, и тѣ наказанія, которыя они несли за нихъ.

Остановимся прежде всего на правилахъ, регулировавшихъ поведеніе студентовъ, разсмотримъ эти правила въ ихъ постепенныхъ видоизмѣненіяхъ, а затѣмъ обратимся къ проступкамъ и наказаніямъ.

Основы студенческаго быта были уже регулированы университетскимъ уставомъ 1804 года, который установилъ для ближайшаго надзора за студентами должность инспектора, избираемаго изъ ординарныхъ профессоровъ. Инспекторъ являлся блюстителемъ порядка и благочинія: онъ долженъ былъ посѣщать студентовъ, увѣщевать нерадивыхъ и т. п.; совѣтъ университета могъ выбрать двухъ помощниковъ инспектора изъ кандидатовъ или магистровъ, которые должны были жить совмѣстно со студентами. Они обязаны были наблюдать за этими послѣдними, за чистотою, порядкомъ въ ихъ помѣщеніи. Совѣту было предоставлено право выработать болѣе подробныя правила для студентовъ.

Такія болѣе подробныя правила и были вырабатываемы въ первое десятилѣтіе университетской жизни, какъ это можно видѣть изъ 1-го тома настоящаго труда (стр. 981—985). Правила эти въ общемъ были довольно строги, но не были проникнуты характеромъ воинской солдатской дисциплины; при томъ ихъ смягчала еще и дѣйствительность.

Такъ было повидимому и въ первые годы изучаемой нами эпохи. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ насъ отзывъ современника—проф. Венедиктова, который самъ былъ казеннокоштнымъ студентомъ въ это время (до 1819 года). Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что на его воспоминаніяхъ о времени студенчества лежитъ повидимому печать оптимизма—крайне враждебно настроенный къ студенчеству той эпохи, когда самъ онъ былъ профессоромъ и инспекторомъ, онъ, какъ кажется, сохранилъ свое настроеніе до конца дней и идеализировалъ старину.

„По прїѣздѣ въ Харьковъ, говоритъ онъ, я поступилъ въ университетъ казеннокоштнымъ студентомъ по медицинскому факультету. Всѣхъ казеннокоштныхъ было около 50. Общежитіе было дружное. Сами студенты выбирали изъ среды себя эконома, который получалъ изъ правленія деньги, слѣдуемые на содержаніе студентовъ. Эти экономы бывали разные: и хорошіе, и дурные. Содержаніе, конечно, было весьма скудное; на cadaго студента, кромѣ стола, помѣщенія и освѣщенія, выдавалось пособіе—въ мѣсяцъ нѣсколько рублей на платье, сапоги и т. п. Студенты были бѣдняки и если кому хотѣлось отправиться на балъ, то онъ занималъ у одного шляпу, у другого—мундиръ (получше) или хорошіе перчатки и одѣвался такимъ образомъ молодцомъ. Всѣ студенты ходили въ статскомъ платьѣ и только по торжественнымъ днямъ и поздравляя начальство, напримѣръ, декана Успенскаго и другихъ уважаемыхъ профессоровъ, надѣвали мундиры. Студенты снимали шапки передъ всѣми профессорами, всѣхъ знали и уважали не то, что теперь (въ 1875 году).

Студенты жили тихо, скромно, всегда дома, знакомыхъ въ городѣ посѣщали рѣдко да и приличнаго платья у нихъ не было. Инспекторы студентовъ имѣли квартиру тутъ же въ зданіи университета, если не имѣли своего дома. Инспекторами были—Ив. Петр. Каменскій, профессоръ акушерства, Ив. Евс. Срезневскій, профессоръ русской словесности, отецъ извѣстнаго Измаила Ивановича Срезневскаго, Гавр. Петр. Успенскій, профессоръ русской исторіи и русскаго права; они выбирались на годъ или на 2 года и получали прибавочное жалованье. Субинспекторами назначались обыкновенно кандидаты—студенты тоже не надолго, они не получали никакого жалованья, а только помогали инспекторамъ назначались изъ хорошихъ студентовъ, жившихъ тутъ же въ зданіи университета и продолжавшихъ заниматься: они выбирались изъ такихъ обыкновенно студентовъ, которыхъ предполагалось оставить при университетѣ, напримѣръ, Филомафитскій, Сухомлиновъ. Для своекоштныхъ студентовъ инспекціи не было. Строже всѣхъ инспекторовъ былъ Успенскій. Но управленіе вообще было отеческое. Дѣлали часто обходы по ночамъ; обходили всѣхъ, слѣдя за занятіями каждаго, что совершенно не похоже на бывшее впоследствии. Развлеченіемъ студентовъ были: музыка и танцъ-классы, для чего были особые учителя; были также фехтовальный и рисовальный классы. Составлялись квартеты. Студенты не кутили и не картежничали да имъ и не на что было это дѣлать. Бѣдняки-студенты легко должны даже хлѣбнику Филатѣ и сбитеньщику Борисычу. Филатка являлся къ студентамъ утромъ въ видѣ хлѣбника, а ввечеру въ видѣ кондитора; студенты очень любили конфекты и незамѣтно проѣдались на нихъ¹⁾.

Въ 1820 году совѣтъ университета представилъ на утвержденіе попечителю проекты правилъ для студентовъ вообще и для казеннокоштныхъ студентовъ и находившихся при нихъ пансіонерахъ въ частности; первый проектъ былъ составленъ совѣтомъ, а второй инспекторомъ студентовъ проф. Дудровичемъ, рассмотрѣвъ и одобренъ совѣтомъ. Попечитель отправилъ ихъ на утвержденіе Министру, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ немедленно ввести ихъ въ дѣйствіе.

Вотъ текстъ правилъ для студентовъ вообще.

1. „Студентъ долженъ поутру и въ вечеру молиться Богу съ благоговѣніемъ, поелику Богъ есть начало и конецъ всего. Студентъ долженъ слушать Божественную службу въ воскресные дни съ величайшимъ благочестіемъ.

¹⁾ Харьк. истор. архивъ. Бумаги мѣстныхъ дѣателей. Записано въ 1875 Чириковымъ со словъ проф. А. С. Венедиктова.

2. Всякій изъ студентовъ, при совершеніи священныхъ въ храмѣ обрядовъ, долженъ вести себя благочинно во время совершенія брака, погребенія или другаго обряда и не долженъ никому быть въ соблазнъ.

3. Всякій, принятый въ университетъ и обязанный исполненіемъ сихъ правилъ, ежеминутно долженъ помнить, что онъ носить званіе студента и потому снабдить себя нужными для ученія пособіями, то-есть, учебными книгами и другими принадлежностями ученія, долженъ постоянно ими заниматься.

4. Чтобы слушать съ пользою публичныя чтенія и понимать оныя, для сего необходимо тщательное къ онымъ приготовленіе. Сіе приготовленіе всегда и вездѣ должно быть соединяемо съ повтореніемъ, которое по справедливости называютъ матерью наукъ.

5. Поелику всякій студентъ долженъ стараться о томъ, чтобы все при преподаваніи ими замѣченное знать, въ книгахъ, же употребляемыхъ профессорами для руководства, имъ многое предоставляется извѣстному поясненію и истолкованію или не все то находится въ книгѣ, что улучшено новѣйшими открытіями, то для сего всякій студентъ не иначе долженъ приходить на лекцію, какъ съ бумагою или тетрадью и въ ней замѣчать и записывать все то, что профессоръ признаетъ и скажетъ достойное замѣчанія.

6. Неупустительное посѣщеніе студентомъ лекцій поставлено будетъ въ числѣ главнѣйшихъ его одобреній и потому никто изъ нихъ не долженъ упускать лекцій, развѣ воспрепятствуетъ тому болѣзнь или какое нибудь другое необходимое занятіе, но и то въ послѣднемъ случаѣ должно испросить позволеніе. Если же кто замѣченъ будетъ нерадивымъ въ посѣщеніи лекцій, тотъ на первый разъ получитъ отъ ректора выговоръ, а при дальнѣйшемъ подозрѣніи нерадѣнія занесено будетъ имя его яко нерадиваго въ актахъ правленія.

7. Никто изъ студентовъ не долженъ перемѣнять взятія имъ на цѣлый годъ лекціи безъ позволенія правленія.

8. Образую разсудокъ, надлежитъ вмѣстѣ образовать и сердце. посему отъ обучающагося на ряду съ успѣхами требоваться будетъ и благонравіе и при одобреніяхъ состояніе нравовъ поставляемо будетъ наравнѣ съ успѣхами въ наукахъ или еще выше оныхъ.

9. Если кто изъ студентовъ обращаться будетъ дома или внѣ онаго въ пьянствѣ, повреждающемъ и душу и тѣло, и если по предварительномъ увѣщаніи не исправится таковой, не только худо отмѣченъ будетъ въ актѣ правленія, но и строжайшему подвергнется наказанію.

10. Не меньше на худомъ замѣчаніи будутъ и тѣ изъ студентовъ кои станутъ заниматься картежными и другими азартными играми, ибо

сії игры не только отнимаютъ золотое время, но еще расточаютъ имѣніе и вводятъ въ долги.

11. Съ таковыми же намѣреніями запрещается студентамъ входить во всѣ предосудительныя мѣста, такъ какъ это обезславливаетъ имя и вредитъ тѣлу и душѣ.

12. За обиду, нанесенную себѣ, никто не долженъ мстить ни самъ собою, ни черезъ другихъ, а искать удовлетворенія у начальства.

13. Никто не долженъ входить въ долги безъ вѣдома и позволенія родителей, опекуновъ или другихъ особъ, заступающихъ мѣсто родителей.

14. Никто не долженъ оставлять города по окончаніи наукъ, прежде нежели совершенно и законно освободить себя ото всѣхъ обязанностей и взысканій.

15. Студентъ долженъ оказывать должное почтеніе и уваженіе ректору, профессорамъ и всѣмъ членамъ университета, всякому по его достоинству и чину и по тому требуется отъ студента, чтобы онъ въ публичныхъ собраніяхъ университета и городскихъ или на гуляньяхъ являлся въ такомъ всегда видѣ и съ такимъ поведеніемъ, какое прилично питомцу науки для его украшенія и одобренія.

16. Если кто изъ студентовъ, преслушавъ всякое увѣщаніе, будетъ нарушать эти правила, то для избѣжанія, дабы онъ примѣромъ своимъ не развращалъ другихъ, таковой лишенъ будетъ званія студента, исключится изъ университета безъ всякаго свидѣтельства ¹⁾.

Текстъ правилъ для казеннокоштныхъ студентовъ помѣщаемъ въ примѣчаніи. ²⁾

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 733/40.

²⁾ Казеннокоштные студенты Имп. Харьк. университета имѣютъ по окончаніи курса ученія слѣдующія три предначертанія: или быть *наставниками* воспитываемаго въ публичныхъ казенныхъ заведеніяхъ юношества, или для облегченія страждущаго человечества исполнять званіе врачей, или быть употребляемыми къ отправленію другихъ различныхъ родовъ государственной службы. Во всѣхъ сихъ случаяхъ они обязаны всѣ свои мысли устремлять къ тому чтобы въ точности исполнять надежды правительства, доставившаго имъ воспитаніе, и быть полезными и при томъ благодарными членами своему отечеству. Поелику же ни истинная нравственность, ни основательность познаній безъ религіи никоимъ образомъ не возможны, *ибо начало премудрости есть страхъ Господень*, то казеннокоштные воспитанники, относительно поведенія и ученыхъ занятій своихъ непременно должны за единственное основаніе принимать благочестіе, и ревностно упражняться во всѣхъ родахъ христіанскихъ добродѣтелей.

По сей причинѣ сверхъ общихъ законовъ, коими въ семь отношеніи обязываются всѣ студенты Харьк. университета, вообще чрезъ выдаваемые имъ матрикулы, имѣютъ наблюдать они еще особенныя слѣд. правила.

I. Всѣ воспитанники встаютъ какъ въ учебныя такъ и праздничныя дни въ шесть часовъ или ранѣе особливо въ дѣтнее время. Потомъ, прилично одѣвшись и прочи-

Министръ народнаго просвѣщенія далъ на представленіе попечителя слѣдующій отвѣтъ.

„По представленіи мнѣ вашимъ превосходительствомъ, *правила для студентовъ Харьковскаго университета* разсматриваемы были мною и Ученымъ Комитетомъ, которымъ замѣчено весьма основательно, что упоминаніе въ нихъ о гнусныхъ порокахъ вовсе излишне, ибо безъ всякихъ правилъ предполагать и знать всякому должно непременно, что пороковъ этихъ ни въ какомъ благоучрежденномъ заведеніи быть не должно и то самое, что они упоминаются въ тѣхъ правилахъ, по-

тавъ съ благоговѣніемъ утреннія молитвы, занимаются приуготовленіемъ себя къ слушанію и должному исполненію лекцій. Въ сихъ упражненіяхъ должно быть наблюдаемо глубокое молчаніе, чтобъ не мѣшать занятіямъ своихъ товарищей.

II. По позыву въ колокольникъ какъ предъ обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда идутъ скромно и тихо въ классы и преподаваемые предметы слушаютъ съ должнымъ вниманіемъ. Въ случаѣ неявки наставниковъ они не выходятъ изъ классовъ и ожидаютъ цѣлый часъ; когда же бы по распоряженію университетскаго ученія, или по другой какой либо причинѣ случилось, что иные изъ воспитанниковъ въ нѣкоторые часы оставались бы свободными отъ слушанія лекцій, то таковые занимаются своими учебными предметами въ своихъ комнатахъ и въ сіе время въ оныя входятъ кромѣ имѣющихъ за ними надзоръ, не только стороннимъ, но даже товарищамъ запрещается.

III. По окончаніи лекцій, вышедши изъ классовъ и немного отдохнувъ, идутъ къ столу по утру въ половинѣ 1-го часа и вечеромъ въ 8 часовъ, столъ начинается и оканчивается молитвою. Не быть при этомъ никто иначе не можетъ, какъ съ позволенія и являющийся поздно безъ достаточной причины лишается стола.

IV. По окончаніи послѣобѣденныхъ лекцій воспитанникамъ надежнаго поведенія и усидчивымъ въ наукахъ инспекторъ или его помощники позволяютъ прохаживаться.

V. Въ прочее время какъ до ужина такъ и послѣ онаго занимаются всѣ своими дѣлами до 10 часовъ, не причиняя никакого помѣшательства товарищамъ, въ 10 часовъ по прочтеніи молитвы ложатся спать, потушивъ осторожно свѣчи.

VI. Въ воскресенье и праздничные дни они обязаны подъ непосредственнымъ надзоромъ субъ-инспекторовъ ходить въ церковь вмѣстѣ и стоять тамъ благоговѣнно. Такъ же всякій годъ по крайней мѣрѣ однажды, именно на послѣдней недѣлѣ великаго поста: должны исповѣдываться и приобщаться святыхъ таинъ.

VII. Они обязаны наблюдать чистоту и опрятность какъ около себя, такъ и въ своихъ покояхъ со всѣмъ возможнымъ стараніемъ.

VIII. Когда кто либо изъ нихъ заболѣетъ, то товарищи его обязаны немедленно дать знать о томъ субъ-инспектору, который тогда же имѣетъ довести сіе до свѣдѣнія университетскаго врача и инспектора.

IX. Никому изъ нихъ не позволяется безъ вѣдома инспектора или его помощника отлучаться отъ дому и тѣмъ болѣе гдѣ либо внѣ онаго ночевать. Совершенно же и безусловно всѣмъ запрещается имѣть у себя какаго бы то роду ни было хмѣльные напитки и ихъ употребленіе, посѣщать трактиры и всякаго рода подозрительныя дома, играть въ карты и курить табакъ.

X. Запрещается также всѣмъ воспитанникамъ безъ вѣдома инспектора заниматься обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ.

казываетъ точно, что все это бывало доселѣ въ упомянутомъ университетѣ, чѣмъ и означается недостаточный за студентами надзоръ опредѣленныхъ къ тому чиновниковъ. Другія правила, касающіеся до порядка и времени занятій студентовъ, зависятъ совершенно отъ усмотрѣнія вашего и могутъ быть даны и утверждены вами самими. Но я считаю за нужное просить васъ, милостивый государь мой, чтобы вы при этомъ случаѣ обратили особое вниманіе на исполненіе инспекторами и надзирателями студентовъ своихъ обязанностей, ибо, какъ видно изъ всего, студенты совершенно оставляются сами себѣ, до того

XI. Они обязаны къ ректору университета съ профессорами и прочими университетскими чиновниками и всѣми начальниками своими имѣть почтеніе и каждому изъ нихъ должны оказывать уваженіе, какъ между собою такъ и со всѣми жить дружелюбно, вести себя скромно, быть всякому учтиву и ласкову.

XII. Въ случаѣ какой либо обиды или неудовольствія отъ кого бы то и въ какомъ бы мѣстѣ ни было воспитанники не должны сами собою упираться, но доносить о томъ инспектору.

XIII. За точнымъ исполненіемъ всѣхъ сихъ правилъ по распоряженію инспектора имѣютъ наблюдать его помощники. Они записываютъ въ особенной шнуровой книгѣ проступки вѣренихъ имъ воспитанниковъ и о таковыхъ подаютъ еженедѣльно вѣдомость инспектору.

XIV. Что относится къ должности инспектора и его помощниковъ, изображено вообще въ §§ 112, 113 и 114 универ. устава. Прочее въ разсужденіи учебной и экономической части сихъ воспитанниковъ предоставляется благонамѣренному попеченію и *распоряженію университетскаго начальства и инспектора*. Въ Высочайше утвержденномъ въ 5-й день ноября 1804 года устава Харьк. университета въ главѣ XI. *Объ инспекторѣ и казеннокоштныхъ студентахъ* изображено: въ § 112 инспекторъ казенныхъ студентовъ избирается изъ орд. профессоровъ общимъ собраніемъ; въ § 113 онъ есть блюститель порядка и благочинія сего общества, онъ, посѣщая покой воспитанниковъ, нерадивыхъ увѣщаніями привлекаетъ къ должности и старается возбудить прилежаніе къ ученію; въ § 118 изъ числа кандидатовъ или магистровъ совѣтъ избираетъ инспектору двухъ помощниковъ, живущихъ вмѣстѣ со студентами и столь съ ними общій имѣющихъ. Они, имѣя смотрѣніе за поведеніемъ студентовъ, за употребленіемъ времени въ классовъ и за всѣмъ, что относится къ порядку и устройству въ комнатахъ, подаютъ инспектору ежемѣсячныя вѣдомости о поведеніи вѣренихъ каждому воспитанниковъ; о дерзостяхъ и соблазнительныхъ поступкахъ немедленно доносятъ инспектору, который, удостовѣривъ на мѣстѣ, принимаетъ надлежащія мѣры или относится къ ректору, а самое дѣяніе или поступокъ вносить въ особую книгу и при годовомъ испытаніи представляетъ оную и совѣту; свидѣлствуетъ о поведеніи каждого.

XV. Къ хорошему сообразно симъ правиламъ поведенію и отличнымъ успѣхамъ воспитанниковъ отъ начальства оказываемо будетъ всевозможное вниманіе и поощреніе. Въ противномъ же случаѣ навлекутъ они на себя справедливый гнѣвъ и наказаніе; а если не исправятся, то, по внесеніи въ казну употребленныхъ на содержаніе денегъ, исключены будутъ безъ всякаго свидѣтельства изъ вѣдомства университета.

Примѣчаніе: всѣ сіи правила относятся такъ же и къ находящимся при казенныхъ воспитанникахъ пансіонерамъ.

что въ правилахъ ставится между прочимъ имъ въ обязанность *уведомлять инспектора о томъ, когда кто изъ ихъ сотоварищей занеможетъ*, что знать является непремѣнною обязанностью самого инспектора и не можетъ не быть ему извѣстно, если онъ всегда съ ними будетъ. Этимъ инспекторамъ слѣдуетъ непремѣнно внушить и требовать отъ нихъ строжайше, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не допускали между студентами тѣхъ пороковъ, кои въ правилахъ упоминаются, и отъ которыхъ не увѣщаніями особенно удерживаются студенты, но надобно принять такія мѣры, чтобы того вовсе и быть не могло.

Сообщаю объ этомъ Вашему Превосходительству для предписанія, какое вамъ угодно будетъ дать университету“¹⁾.

Попечитель сообщилъ это предложеніе министра ректору съ тѣмъ, чтобы тотъ „какъ мѣстный бдительный начальникъ совокупно съ инспекторомъ, обратилъ все вниманіе на нравственность и поведеніе студентовъ. А чтобы удовлетворить въ полной мѣрѣ справедливымъ замѣчаніямъ Верховнаго начальства, поручаю вамъ, писалъ попечитель, пригласивъ къ себѣ проф. Дудровича и Кронеберга, пересмотрѣть вновь изложенныя для казеннокоштныхъ студентовъ правила и, исправивъ ихъ по надлежащему, представить мнѣ на утвержденіе“. Въ февралѣ 1821 года новая редакція была готова, утверждена попечителемъ и введена въ дѣйствіе. Вотъ ея текстъ.

„Казеннокоштные студенты Императорскаго Харьковскаго университета, по окончаніи курса ученія, имѣютъ слѣдующія назначенія или быть наставниками воспитываемаго въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ юношества, или для облегченія страждущаго въ болѣзняхъ человѣчества, исполнять званіе врачей, или быть употребленными къ отправленію другихъ различныхъ родовъ государственной службы. Во всѣхъ сихъ случаяхъ они обязаны всѣ свои мысли устремлять къ тому, чтобы въ точности исполнять надежды Правительства, пекущагося объ ихъ воспитаніи, быть полезными и благодарными сынами своему Отечеству. Поелику же ни истинное просвѣщеніе ума, ни образованіе сердца безъ *религіи* не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого прочнаго основанія, *ибо начало премудрости есть страхъ Божій*, то воспитанники, относительно поведенія и ученыхъ занятій своихъ, непремѣнно должны за единственное основаніе принимать *благочестіе* и ревностно упражняться во всѣхъ родахъ христіанскихъ добродѣтелей.

По этой причинѣ сверхъ общихъ постановленій, коими въ этомъ отношеніи обязываются всѣ студенты Харьковскаго университета во-

¹⁾ Харьк. унив. арх. Дѣло пол. № 733/40.

обще чрезъ выдаваемые имъ матрикулы, имѣютъ наблюдать они еще въ особенности слѣдующія правила.

I. Всѣ воспитанники встаютъ какъ въ учебные, такъ и въ праздничные дни, въ шесть часовъ или раньше, особливо въ лѣтнее время. Потомъ прилично, одѣвшись и прочитавъ съ благоговѣніемъ утреннія молитвы, занимаются приуготовленіемъ себя къ слушанію лекцій. Въ этихъ упражненіяхъ должна быть наблюдаема глубокая тишина.

II. По позыву въ колокольчикъ въ положенное время идутъ немедленно въ классы, и преподаваемые профессорами науки слушаютъ съ должнымъ вниманіемъ.

III. Кто изъ воспитанниковъ безъ важной причины будетъ упускать учебные часы, тотъ будетъ подверженъ строгому взысканію за такое упущеніе должности своей.

IV. Буде же по расположенію университетскаго ученія, или по другой какой либо причинѣ случится, что иные изъ воспитанниковъ въ нѣкоторые часы могутъ оставаться свободными отъ слушанія лекцій, въ то время занимаются они своими учебными предметами въ своихъ комнатахъ, и въ это время въ нихъ входитъ, кромѣ имѣющихъ за ними надзоръ, не только стороннимъ, но даже товарищамъ запрещается.

V. По окончаніи лекцій вышедши изъ классовъ идутъ къ обѣденному столу въ 1-мъ часу, а къ вечернему въ 8-мъ часовъ. Столъ начинается и оканчивается молитвою. Не быть при столѣ никто иначе не можетъ, какъ съ позволенія инспектора, и являющіеся поздно безъ достаточной причины лишаются стола.

VI. По окончаніи всѣхъ лекцій воспитанникамъ примѣрнаго поведенія и отлично успѣвающимъ въ наукахъ въ лѣтнее время инспекторъ позволяетъ прогуливаться.

VII. Въ свободное отъ ученія время можно позволять такъ же и общія прогулки, особливо въ пользу учебныхъ предметовъ, какъ то: для приобрѣтенія топографическихъ, физическихъ, ботаническихъ и врачебныхъ познаній, внутри и въ окрестности города, но не иначе, какъ подъ руководствомъ одного изъ инспекторскихъ помощниковъ.

VIII. Для укрѣпленія здоровья воспитанниковъ можно такъ же въ свободное отъ ученія время позволить имъ заниматься приличными гимнастическими играми.

IX. Въ воскресные и праздничные дни обязаны они подъ непосредственнымъ надзоромъ инспектора или помощниковъ инспекторскихъ ходить въ церковь и тамъ стоять благоговѣйно.

X. Такъ какъ наружная чистота вообще служитъ признакомъ внутренней, то всѣ воспитанники должны наблюдать чистоту и опрятность

какъ около себя, такъ и въ своихъ комнатахъ и чрезъ то самое показывать, что они еще болѣе стараются хранить душевную чистоту, бывъ увѣрены, что *въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, ни же обитаетъ въ тѣлеси повиннымъ грѣху.*

XI. Всѣмъ воспитанникамъ вмѣняется также въ непремѣнную обязанность, всякой годъ исповѣдываться и пріобщаться Святыхъ Таинъ.

XII. Никому изъ воспитанниковъ безъ вѣдома инспектора не позволяется отлучаться изъ дому.

XIII. Когда кто либо изъ нихъ заболѣетъ, то инспекторъ немедленно даетъ знать о томъ университетскому врачу, который такъ же безъ упущенія времени обязанъ принять надлежащія мѣры.

XIV. Всѣ воспитанники вообще обязаны не только наставникамъ своимъ, но и всѣмъ старшимъ себя и отличіе въ обществѣ заслужившимъ особамъ оказывать должное почтеніе, съ равными обращаться дружелюбно, а къ низшимъ имѣть благосклонное снисхожденіе.

XV. Въ случаѣ какой либо обиды или неудовольствія, отъ кого бы то и въ какомъ бы мѣстѣ ни было, воспитанники не должны сами собою управляться, но доносить о томъ инспектору.

XVI. Къ похвальному поведенію и отличнымъ въ наукахъ успѣхамъ воспитанниковъ отъ начальства оказываемо будетъ вниманіе и поощреніе; въ противномъ же случаѣ навлекутъ они на себя справедливыи гнѣвъ и наказаніе.

Ректоръ Джунковскій вмѣстѣ съ инспекторомъ Дудровичемъ и проф. Кронебергомъ редактировали вслѣдъ за тѣмъ и правила для своекоштныхъ студентовъ. Но попечитель нашелъ ихъ недостаточными къ совершенному руководству молодыхъ людей, для которыхъ прохожденіе наукъ должно явиться существеннымъ образованіемъ ума и сердца для времени и *вѣчности*; изъ всемілостивѣйше пожалованной мнѣ, прибавлялъ попечитель, 11 января 1820 года грамоты вамъ извѣстна Высочайшая Государя Императора воля, чтобы наипаче укореняемы были правила Христова ученія и Духа его въ учебномъ образованіи юношества, которое, какъ Его Императорское Величество Высочайше изволилъ замѣтить, въ сихъ правилахъ только и по знаніямъ, на нихъ утвержденнымъ, найдетъ истинное для себя просвѣщеніе и благополучіе существенное и постоянное.

На этомъ основаніи, разсмотрѣвъ вышеуказанныя правила для своекоштныхъ студентовъ, призналъ я нужнымъ въ нѣкоторыхъ изъ пунктовъ сдѣлать прибавленія, а нѣкоторые пункты перемѣнить. Поэтому, препровождая составленную мною записку, поручаю вамъ доставить мнѣ вновь редактированныя соотвѣтственно ей правила на утвержденіе.

Сравнивая первоначальный текст правил для своекоштных студентов съ окончательною редакціей ихъ, введенною въ дѣйствіе, мы замѣчаемъ, что разница между ними сводится главнымъ образомъ къ формулировкѣ пунктовъ, касающихся религіи. И это, конечно, объясняется хорошо извѣстнымъ намъ направленіемъ дѣятельности мистика Е. В. Карѣева. Мы знаемъ, что Карѣевымъ не удалось чисто внѣшними мѣрами насадить религіозно-нравственное благочестіе среди профессоровъ. Также трудно было рассчитывать, чтобы такимъ путемъ перевоспитано было и учащееся юношество.

Отличительною чертою правилъ для казеннокоштныхъ студентовъ является строгость примѣняемаго къ нимъ режима, приравнивавшая ихъ образъ жизни къ военному или гимназическому. По 6-му § правилъ могли получать отъ инспектора разрѣшеніе на лѣтніе прогулки только отличнѣйшіе изъ казеннокоштныхъ студентовъ — какъ будто другимъ не нуженъ свѣжій воздухъ — и вотъ студенты сами стали тайно ночью уходить изъ института и предаваться „неприличному своевольству“.

И попечитель вынужденъ былъ обратить на это вниманіе инспекціи и экзекутора (въ 1821 году).

Въ 1820 году и этотъ надзоръ былъ признанъ недостаточнымъ и совѣтъ университета просилъ попечителя о разрѣшеніи избрать изъ ординарныхъ префессоровъ особаго инспектора для *своекоштныхъ* студентовъ „не только для отвращенія могущихъ быть безпорядковъ, но и для выщаго наблюденія, какъ за ученіемъ ихъ, такъ и въ особенности за нравственностью“. Попечитель (З. Я. Карѣевъ) вошелъ съ ходатайствомъ объ этомъ къ Министру, но предложилъ, чтобы такой инспекторъ *не* избирался совѣтомъ, а назначался начальствомъ. Министръ согласился съ этимъ и первымъ инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ былъ *назначенъ* проф. Пауловичъ. Инструкція ему была выработана, по предложенію попечителя, комиссіей въ составѣ ректора Джунковскаго, проф. Дудровича, Громова, Кронеберга и самого Пауловича ¹⁾.

Прошло 5 лѣтъ — и тотъ же ректоръ Джунковскій, который принималъ живое участіе въ редактированіи приведенныхъ выше студенческихъ правилъ вошелъ съ представленіемъ къ попечителю Перовскому (въ 1825 г.) съ новой редакціей правилъ, въ основу которыхъ были положены прежнія, переведенныя теперь на русскій языкъ и частію измѣненныя, частію дополненныя. Дополни-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 753/41.

нія и измѣненія были впрочемъ незначительныя, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ текста правилъ, печатаемаго въ примѣчаніи ¹⁾).

1) Вотъ ихъ текстъ.

Какъ университетъ есть высшее учебное мѣсто, верховнымъ Правительствомъ учрежденное для образованія юношества въ наукахъ и нравственности, которое бы способно было вступать въ различныя званія государственной службы, то для достиженія сей важной цѣли всякому изъ учащихся въ университетъ вѣнчается въ непремѣнную обязанность исполнять слѣдующія правила.

1. Богу, въ Троицѣ славимому, яко источнику всѣхъ благъ, учащіеся въ университетѣ должны молиться всякое утро и всякой вечеръ, и во всѣ воскресные и праздничные дни ходить въ церковь и съ благоговѣніемъ слушать божественное служеніе.

2. Всѣ студенты должны ежегодно исповѣдываться и приобщаться Святыхъ Таинъ.

3. Никто изъ студентовъ книгъ противныхъ Христіанской вѣрѣ и существующимъ системамъ правительства, въ особенности же Россійскаго Государства, и другихъ соблазнительныхъ, и такъ же къ лекціямъ не принадлежащихъ—не долженъ читать и имѣть у себя.

4. Всякій изъ принятыхъ въ число учащихся въ университетъ и снабженный сими правилами не долженъ ни на минуту забывать, что онъ вступилъ въ университетъ для изученія наукъ, и такимъ образомъ приобрѣтенными отъ себя для своего усовершенствованія, а равно и отъ университета въ пользу учащихся доставляемыми книгами и другими учебными пособіями, смотря по роду наукъ, прилежно и рачительно долженъ пользоваться.

5. Дабы съ пользою слушать и понимать академическія лекціи, необходимо нужно надлежащимъ образомъ приготовить себя. Сіе приготовленіе всегда и вездѣ должно соединять съ повтореніемъ, которое по справедливости называется матерью ученія.

6. Какъ въ краткихъ руководствахъ, по которымъ профессора преподають науки, многое оставляется для изустнаго объясненія, а притомъ и въ учебныхъ книгахъ, прежде изданныхъ, не всѣ новыя открытія находятся, то по сему каждый изъ студентовъ долженъ приходить въ классъ съ бумагою и карандашемъ и записывать все то, что профессоръ признаеть достойнымъ замѣчанія.

7. Буде кто либо въ теченіи года окажется нерадивымъ въ посѣщеніи профессорскихъ лекцій, тотъ не будетъ допущенъ къ публичнымъ экзаменамъ, и останется въ томъ же курсѣ.

8. Никто изъ студентовъ, не испросивъ позволенія отъ Правленія, не долженъ переходить въ другой факультетъ.

9. Поелику отъ юношей, посвятившихъ себя наукамъ, паче всего требуется непорочность жизни и нравовъ, то аттестаты и свидѣтельства не иначе будутъ имъ выдаваемы, какъ по удостовѣреніи, чрезъ все пребываніе ихъ въ университетѣ, въ истинномъ ихъ благочестіи, скромности, повиновеніи, воздержаніи, чистотѣ и непорочности нравовъ, ибо истиннаго просвѣщенія безъ добрыхъ нравовъ, внушаемыхъ христіанскимъ ученіемъ, быть не можетъ.

10. Всякому изъ студентовъ строгаише запрещается вступать въ какія либо тайныя связи и общества.

11. Никто изъ учащихся, развѣ за болѣзнію или по необходимой какой либо надобности, но и въ семъ послѣднемъ случаѣ, испросивши позволеніе, не долженъ упустать лекцій. Замѣченные въ семъ случаѣ нерадивыми, сначала получаютъ выговоръ отъ ректора и потомъ, буде неисправляются, вносятся имена ихъ въ черную книгу.

12. Все то, что наноситъ неминувый вредъ доброму имени, тѣлу и душѣ, какъ то: употребленіе хмельныхъ напитковъ, хожденіе въ заторные дома, непозволительныя игры и проч. строгаише запрещается.

Перовскій въ 1825 году ввелъ, съ разрѣшенія Министра штатъ педелей ¹⁾.

13. Никто изъ студентовъ не долженъ причинять обиды ни своимъ сотоварищамъ, ни постороннимъ лицамъ; въ случаѣ же причиненной ему самому обиды не долженъ самоуправно чинить себѣ удовлетвореніе, но искать онаго законнымъ порядкомъ.

14. Никто безъ вѣдома родителей, опекуновъ, или тѣхъ, кои занимаютъ ихъ мѣсто, не долженъ входить въ долги; буде же оныя, при нарушеніи сего правила, на комъ либо окажутся, въ такомъ случаѣ кредиторъ теряетъ право иска, а должникъ будетъ записанъ въ черную книгу.

15. Въ случаѣ болѣзни должно немедленно извѣщать о томъ инспектора.

16. Всякій изъ студентовъ долженъ объявить инспектору, гдѣ онъ имѣетъ квартиру и никто изъ одной квартиры на другую безъ вѣдома его переходить не долженъ.

17. Въ ночное время строжайше запрещается всѣмъ студентамъ отлучаться изъ своихъ квартиръ лѣтомъ позже десяти часовъ, а зимою девяти.

18. Никому по окончаніи наукъ изъ города уѣзжать не позволено, пока не уплатитъ законныхъ своихъ долговъ и не получитъ билета изъ Правленія.

19. Желавшій получить домовый отпускъ долженъ, съ вѣдома инспектора, испросить позволеніе отъ ректора и получить изъ Правленія билетъ.

20. По возвращеніи изъ отпуска, каждый долженъ немедленно явиться къ ректору и инспектору.

21. Кто изъ учащихся, послѣ вакаціоннаго времени и другихъ домовыхъ отпусковъ, не прибудетъ въ университетъ къ назначенному сроку, безъ всякой законной причины и не уведомитъ объ оной Правленіе до истеченія онаго срока, тотъ будетъ исключенъ изъ списка студентовъ.

22. Студенты обязаны ректору, профессорамъ, всѣмъ членамъ университета, равно какъ и другимъ почетнымъ лицамъ, каждому по его чину и званію, оказывать должное почтеніе и уваженіе; не меньше такъ же требуется отъ нихъ, чтобы они въ публичныхъ мѣстахъ наблюдали ту опрятность въ одеждѣ и благопристойность въ поступкахъ, каковыя приличны всякому благовоспитанному юношѣ.

23. Во время пребыванія въ университетѣ; никакой иной одежды, кромѣ положеннаго мундира, не носить и безъ онаго нигде не выходить.

24. Въ публичныя собранія, какъ то: въ клубы, концерты, рауты, свадебныя празднества и другія подобныя тому собранія и увеселенія безъ письменнаго позволенія отъ ректора не входить.

25. За городъ для прогулки и даже для ботаническихъ гербаризацій—безъ такого же позволенія не ходить.

26. Кто изъ учащихся, не смотря на всѣ увѣщанія, будетъ замѣченъ въ нарушеніи сихъ правилъ, тотъ исключится изъ числа студентовъ, и въ случаѣ важнаго преступленія, имя его, равно какъ и самое преступленіе, будетъ опубликовано во всѣхъ Россійскихъ университетахъ.

Впрочемъ университетское начальство надѣется, что молодые люди, вступающіе въ университетъ, для образованія своего употребятъ все стараніе благороднымъ поведеніемъ показать себя достойными воспитанниками его и чрезъ то содѣлаются полезными отечеству, принесутъ честь университету, будутъ утѣшеніемъ родителей и положить твердое основаніе будущему благополучію своему.

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1205/67.

Одновременно съ этимъ Перовскій обратилъ вниманіе на несообразность одной карательной мѣры, которая практиковалась по отношенію къ казеннокоштнымъ студентамъ—о назначеніи ихъ за дурное поведеніе учителями уѣздныхъ училищъ.

„Дошло до свѣдѣнія моего, писалъ онъ, что казенные студенты дурнаго поведенія и отъ коихъ не предвидится успѣха въ наукахъ, ни исправленія замѣченныхъ въ нихъ пороковъ, опредѣляются симъ университетомъ въ учителя уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, какъ будто въ наказаніе и для вознагражденія тѣхъ издержекъ, какія правительствомъ употребило для ихъ воспитанія.

Такое превратное понятіе о пользѣ казны служить поводомъ къ нарушенію важныхъ обязанностей университета относительно опредѣленія въ подвѣдомыя ему мѣста учителей. Главныя качества наставника должны быть благонравіе и достаточное знаніе въ преподаваемой имъ наукѣ, дабы служа примѣромъ для юношей тѣмъ удобнѣе могъ онъ руководить ихъ къ приобрѣтенію полезныхъ свѣденій и къ преуспѣянію въ правилахъ истинной нравственности. Высочайше утвержденнаго устава Харьк. университета глава XV объ управленіи и надзираніи училищъ, между прочимъ въ §§ 161, 163, 167 поставляетъ университету въ непремѣнную обязанность прилагать особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназій, уѣздныхъ и приходскія училища снабжены были знающими и благонравными учителями,—имѣть вѣрныя свѣдѣнія о достоинствахъ и трудѣ ихъ; и при опредѣленіи смотрѣть наиболѣе на способность ихъ, прилежаніе и благонравіе; если же кто изъ нихъ окажется недостойнымъ своего званія, таковой по силѣ § 164 того же устава долженъ быть удаленъ отъ должности на время или навсегда. Между тѣмъ, какъ учителя, опредѣленные въ эту должность потому только, что не могли быть терпимы въ обществѣ благородныхъ студентовъ не только неспособны къ исполненію своихъ обязанностей, но напротивъ того вмѣсто наставленія въ знаніяхъ и добродѣтели собственнымъ примѣромъ сѣютъ развратъ въ своихъ подчиненныхъ. Зная все зло, какое можетъ произойти отъ нарушенія закона въ предметѣ столь существенномъ, долгомъ званія моего считаю предложить университету—1-ое, чтобъ отъ нынѣ впредь казеннокоштные студенты сего университета, извѣстные по дурнымъ наклонностямъ и не подающіе надежды къ исправленію, ни подъ какимъ видомъ не были опредѣляемы учителями, но о всѣхъ таковыхъ доставляемъ бы былъ мнѣ именной списокъ, для дальнѣйшаго съ моей стороны распоряженія; 2-ое, равномѣрно о тѣхъ изъ нихъ, кои неправильнымъ попусценіемъ со стороны университета опредѣлены уже въ разныя учительскія

должности, представить мнѣ именной списокъ, съ показаніемъ: кто куда, за что опредѣленъ учителемъ въ низшія учебныя заведенія и когда именно; наконецъ, 3-е, возлагая соблюденіе во всей точности вышесказанныхъ законовъ, въ уставѣ начертанныхъ, на строгую ответственность ректора и прочихъ членовъ совѣта, для большаго утвержденія казеннокоштныхъ студентовъ въ правилахъ благонравія и для предостереженія ихъ отъ худыхъ послѣдствій, необходимо сопряженныхъ съ распутнымъ поведеніемъ, объявить имъ, что тѣ изъ нихъ, кои удаляются отъ главныхъ своихъ обязанностей ученія и благонравія не останутся съ сего времени безъ должнаго и строгаго на основаніи законовъ возмездія и что прежняя мѣра наказанія, состоящая въ опредѣленіи ихъ учителями въ низшія учебныя заведенія, отъ сего времени будетъ прекращена¹⁾.

Училищный комитетъ далъ на это такое объясненіе. Онъ и самъ находилъ подобную мѣру не вполне подходящую, но дѣйствовалъ на основаніи стариннаго обычая, существовавшаго со времени основанія университета, а также руководствовался снисхожденіемъ къ неопытности юношества и примѣрами того, что лишеніе правъ, дававшихся студентамъ, окончившимъ курсъ, обращало нѣкоторыхъ на путь благонравія и порядка. Изъ справки, имъ представленной попечителю, такихъ молодыхъ людей оказалось не много—5 человѣкъ за 6 лѣтъ (съ 1820 по 1825 годъ включительно): Кусковъ былъ опредѣленъ въ Александровское, Кириловъ въ Константиноградское, Барановскій въ Лубенское, Анадольскій въ Новозыбковское, Стефановскій въ Θεодосійское училища²⁾.

25 февраля 1826 года Перовскій, въ дополненіе къ утвержденнымъ имъ правиламъ, предписалъ еще слѣдующее: 1) доставить въ его канцелярію черную книгу, въ которую записывались имена наказанныхъ студентовъ; 2) университетъ долженъ былъ завести новую черную книгу и заносить въ нее имена студентовъ, совершившихъ проступки; 3) при выдачѣ аттестатовъ студентовъ университетъ долженъ былъ обозначать, были ли заносимы ихъ фамиліи въ черную книгу; 4) студента, два раза занесеннаго въ черную книгу, за третьимъ проступкомъ нужно было исключать изъ университета; 5) университетъ обязанъ доносить попечителю ежемѣсячно о студентахъ, занесенныхъ въ черную книгу, съ указаніемъ ихъ вины; 6) эти постановленія должны были быть доведены до свѣдѣнія студентовъ.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1126/63.

²⁾ Ibidem.

(Продолженіе слѣдуетъ).